УДК 330.3 + 339.9
JEL D11, E21, O12, O43

А. В. Кудинова

*Киевский национальный экономический университет
пр. Победы, 54/1, Киев, 03680, Украина*

kudinovaalevtina@mail.ru

СТРУКТУРА ПОТРЕБЛЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: ХАРАКТЕР ВЗАИМОСВЯЗИ

Рассматривается роль структуры личного потребления в процессах экономического роста и цикличности. Подвергается критике важный для неоклассического синтеза тезис о том, что действия потребителя, ведущие к максимизации субъективного удовлетворения, создают предпосылки для экономического роста независимо от институциональных условий, сложившихся в обществе. Проводится сравнительный анализ общественных условий, влияющих на роль индивидуального потребления в процессах накопления человеческого капитала на трех этапах развития индустриальных рыночных экономических систем, в том числе таких, как характер распределения доходов и источники формирования бюджетов индивидуальных потребителей. Сформулирована гипотеза, согласно которой развитие потребительского кредитования и увеличение масштабов государственных социальных программ ослабляют позитивное влияние расширения потребительских возможностей на улучшение качества человеческих ресурсов.

Предлагается выделять этапы развития экономической системы, различные по характеру отношений производства и потребления. Определены специфические черты современной системы отношений потребления, обуславливающие дисбаланс потребительских стандартов и производственных возможностей общества.

Ключевые слова: потребление, нормирование доступа к благам, влияние на потребительское поведение.

Основным экономическим приоритетом ранних этапов развития индустриального общества было расширение возможностей потребления. Жесткость ограничений, накладываемых производственными возможностями, была абсолютной, и проблема «потребления несозданного» рассматривалась экономической наукой только в распределительном аспекте (например, теория классовой эксплуатации у Маркса [1] или отклонения заработной платы от стоимостного выражения предельного продукта труда у Дж. Робинсон [2. С. 639]). Общественное значение личного потребления основной массы населения было абсолютно прозрачным: обеспечить воспроизводство физиологической работоспособности и достаточность платежеспособного спроса, чтобы поглотить весь общественный продукт, создаваемый при полной занятости населения [3; 4].

С развитием индустриального капитализма требования к структуре потребления усложнились: поскольку категория «воспроизводство работоспособности» включила и приобретение определенных знаний, умений, навыков, и расширение мотивационных установок индивидов, то и личное потребление стало анализироваться с точки зрения инвестиций в человеческий капитал. Уровень инвестирования обычно был тем выше, чем более конкурентоспособность национального производства на глобальных рынках основывалась на конкурентных преимуществах высокого уровня (на исключительном уровне квалификации

Кудинова А. В. Структура потребления и экономическое развитие: характер взаимосвязи // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 5–14.

и рациональности организации труда работников, но не на дешевизне рабочей силы или высокой обеспеченности природными ресурсами) [5].

Но на рубеже тысячелетий роль личного потребления в процессах обеспечения позитивной экономической динамики и общественного развития значительно усложняется. В макроэкономическом аспекте расширение потребления становится максимой интересов, как производителей, так и потребителей, что, во-первых, обостряет проблему роста потребности общества в ресурсах, особенно абсолютно ограниченных [6], а во-вторых, качественно трансформирует природу отношений между потребителями и производителями. Рыночная цена становится не средством ограничения потребления в соответствии с производственными возможностями общества, а инструментом стимулирования потребления, которое должно (по логике современной модели развития) «потянуть» за собой рост производства. Но в действительности производственные возможности даже наиболее развитых стран не успевают за общественными представлениями про желательный и необходимый уровень материального благосостояния, при этом не столько из-за нехватки сбережений и инвестиций, сколько из-за несоответствия структуры личного потребления требованиям общественного развития.

В микроэкономическом аспекте все больше ослабевает связь между личным потреблением и способностью индивида приумножать общественное благосостояние. Можно говорить о дефиците и недостаточном качестве освоения инвестиций в человеческий капитал, но мы считаем, что именно некоторые положения теории человеческого капитала усложняют поиск реалистичного объяснения причин обострения противоречий между желаемым уровнем потребления и реальным уровнем производительности в масштабах глобальной экономики, между требованиями современного социально-экономического развития к структуре личного потребления и фактическими масштабами и структурой потребительских расходов.

Например, в работах Г. Беккера затраты времени на потребление и на производительную деятельность (связанную с получением текущего дохода и инвестированием в человеческий капитал для увеличения доходов в будущем) принципиально отличаются по своему влиянию на функцию полезности индивида. Если первые увеличивают ее непосредственно – через наполнение свободного времени, которое само по себе является благом, то вторые представляют собой антиблаго и должны компенсироваться текущими или приростом будущих доходов (последние дисконтируются по ставке, которая отражает предпочтительность получения дохода в текущем периоде в сравнении с будущим) [7].

При этом в рамках теории человеческого капитала развитие рассматривается только через призму изменения соотношения между затратами времени на потребление и инвестициями в человеческий капитал. Увеличение доли времени, выделенного на инвестиции, собственно, и отождествляется с ростом. Влияние расширения потребления на темпы роста учитывается в этой теории только через альтернативные затраты инвестирования (имея большие возможности потребления, мы отказываемся от большей полезности на каждую единицу времени, выделенного для инвестирования).

Именно в этом мы видим принципиальное отличие предложенного нами подхода от положений упомянутой теории: мы рассматриваем развитие через качественные изменения в отношениях различных видов потребления, а не через изменения количественных пропорций распределения времени индивида между собственно потреблением и инвестициями в свою квалификацию, здоровье и прочие активы, повышающие его социальную мобильность.

Опираясь на такой подход, мы попытаемся сформулировать качественно новое видение эволюции стран-лидеров современной мирохозяйственной системы от становления индустриального технологического способа производства до современного этапа формирования постиндустриального общества.

Важная для целей нашего исследования особенность периода формирования индустриального капитализма заключается в том, что потребительский выбор даже в развитых странах был заметно уже, чем в настоящее время. Свобода потребительского выбора имела гораздо более жесткое бюджетное ограничение, а набор потребляемых благ в значительно большей мере, чем сейчас, задавался функциональными требованиями. Под последними мы понимаем требования поддержания стандартного, для данной профессиональной группы, уровня работоспособности.

В этот период (примерно 1860–1910 гг., который традиционно называют «первым золотым веком мировой экономики») большинство стран, которые сегодня считаются ведущими в экономическом развитии, достигли «поворотного момента» – их общественный продукт начал расти быстрее, чем численность населения [5]. При этом расширение потребления становилось важным условием развития – и как основа достаточного для развития индустриальной экономики спроса, и как предпосылка улучшения ее обеспеченности человеческими ресурсами. Масштабы рынка и массовость спроса провозглашались многими учеными, от классиков до авторов современных работ, посвященных национальной специфике экономик и моделей экономического развития разных стран, самыми важными условиями развития индустриального общества [3; 5].

Мы считаем критически важным следующий аспект процессов интенсивного развития индустриальных стран: рост масштабов потребления большинства участников общественного производства сопровождался увеличением их продуктивной силы и способности выполнять свойственные их социальному статусу производственные задачи. Так, рост покупательной способности основной массы наемных работников сопровождался не просто увеличением комфорта существования, а повышением качества того ресурса, который они поставляли общественному производству. Улучшение здоровья, рост среднего квалификационного уровня, утверждение системы ценностей и стереотипов поведения, свойственных более обеспеченным работникам, гарантировало принципиально важное единство: «рост удовлетворения потребностей – повышение производительной силы ресурса труда». Убедительное и статистически обоснованное подтверждение жесткости такой связи в начале XX в. дает известная работа Зомбарта [8. С. 204–220].

При этом важная предпосылка сохранения такой связи – структура потребления экономически активного населения, потребительские предпочтения, выраженным приоритетом которых являлось функциональное значение покупаемых товаров, – была настолько встроена в обыденные, распространенные нормы и правила поведения, что осталась практически без внимания исследователей. Тезис о рациональности потребительского выбора, имеющий основополагающее значение для неоклассического синтеза, предполагал, что независимо от общественных условий и эволюции институтов структура потребления всегда будет стремиться к максимальному удовлетворению, а последнее – всегда создает необходимые, исходя из требований к личностному ресурсу, предпосылки для экономического роста (см., например, [9]).

Однако дальнейшее развитие индустриальных стран показало, что подобная рациональность потребителя далеко не является независимой от социальных условий и гарантированной природой человека данностью. На рассматриваемом этапе она обеспечивалась жесткими ограничениями, которые рыночные механизмы нормирования доступа к благам накладывали на потребление. Высокая степень концентрации доходов, тяготение заработной платы к стоимости минимального набора благ, необходимых для поддержания затребованной обществом работоспособности – все это обеспечивало высокую эффективность использования каждой единицы дополнительного дохода для повышения производительной силы человеческих ресурсов. Проблемы, связанные с ростом свободы массового потребительского выбора, его меньшей детерминированностью суровыми требованиями поддержания необходимой работоспособности, были незнакомы обществу первой трети XX в. ввиду избыточной силы рыночных механизмов, ограничивавших потребление преобладающего большинства населения.

Такая избыточная сила ограничений на потребление не препятствовала динамичному развитию вследствие особенностей этапа НТП периода активной индустриализации. Детерминированность производительности качествами капитала в большей мере, нежели качествами работника, преимущественно исполнительское содержание труда, его высокая стандартизация, возможность сравнительно легкой формализации требований к исполнителям трудовых процессов и контроля со стороны нанимателя – все это делало экономический рост совместимым с высокой концентрацией доходов.

Таким образом, кризисные явления начала 30-х гг. XX в., известные как «великая депрессия», хоть и связаны с нарушением баланса между ростом потребления и увеличением про-

изводственных возможностей общества, обусловлены расточительным потреблением элиты, а не потребительским поведением широких масс.

Этот кризис выражал неспособность общества превратить дополнительные доходы, сконцентрированные в руках собственников капитала, в прирост производственных возможностей. Именно такое видение вытекает из теоретических построений Дж. Кейнса, рассматривающего кризис как результат хронической неспособности инвестиций (определяемых ожидаемой прибылью) поглотить весь объем сбережений, осуществляемых при полной занятости [4]. Аналогичная трактовка возможна в рамках модели Харрода: кризис как проявление отклонения темпов сбережений от условий «гарантированного роста», которое выводит экономику на траекторию, где потребление гораздо меньше, чем наибольшее совместимое с необходимыми темпами накопления капитала [10].

Таким образом, при всей условности выделения определенных временных промежутков первая треть XX в. может рассматриваться как этап развития индустриального капитализма, на котором общественные механизмы нормирования доступа к благам прогресса делали типичной проблемой и причиной экономического дисбаланса недопотребление, т. е. ситуацию, когда рыночная оценка продуктивности участия индивида в общественном производстве настолько занижала меру его потребления, что часть произведенного (подчеркнем – уже произведенного) продукта оставалась нереализованной.

Вторую треть XX в. можно считать периодом преодоления этого недостатка рыночных механизмов нормирования потребления в развитых странах индустриального капитализма. Нобелевский лауреат П. Кругман называет этот период «большим сжатием» – выравнивание распределения доходов, доступность качественной медицины и образования для широких слоев населения, рост социальной защищенности обычного участника общественного производства [11]. Практически тождественные по содержанию процессы в Европе принято называть «триумфом социально-рыночной экономики», становлением «общества массового потребления», или «общества среднего класса».

При этом важной предпосылкой сравнительно стабильного развития в этот период мы склонны считать единство двух процессов: расширение потребления и развитие производственных мощностей, преимущественно благодаря улучшению качества человеческого ресурса. В категориях теории человеческого капитала это этап, когда активизация инвестирования в накопления знаний, умений, здоровья, мотиваций, мобильности и защищенности от рисков трансформировалась в основной фактор экономического роста. Например, П. Друкер называет способность американского общества быстро добиваться радикального увеличения численности высококвалифицированных работников оборонной промышленности одним из решающих факторов победы во Второй мировой войне [12].

Несложно заметить выраженную корреляцию между расширением доступа населения к качественному образованию, медицине, социальному страхованию и темпами роста производственных мощностей, наращиванием объемов общественного продукта. И вторая треть XX в. для индустриально развитых стран – это период трансформации больших объемов потребления в возрастающие производственные возможности. Таким образом, сохранялось главное условие стабильности любой хозяйственной системы – соответствие меры потребления и меры результативности производства. Заданный новым этапом НТП рост требований к квалификационному уровню работников, повышению их мотивированности, самостоятельности, восприимчивости к инновациям оставался сбалансированным с расширением их потребления. Последнее достаточно эффективно превращалось в рост качества человеческого ресурса, препятствуя превышению общественно признанных норм потребления над нормами трудовых усилий и производительности.

Однако механизмы распространения плодов прогресса на широкие слои населения, в том числе расширение государственного вмешательства в экономику, развитие механизмов потребительского кредитования, не только способствовали устойчивости и социальной значимости экономического роста, но и формировали новые угрозы и вызовы для современного общества.

Так, рост социальных программ государства уменьшил потери общества от маргинализации населения, оказавшегося без достаточных факторных доходов, и создал предпосылки изменения мотивации потребительского поведения. Получение платежеспособности не

в связи с участием в производстве ослабляет функциональную нагрузку потребления, способствует его высвобождению от диктата требований роста производственной силы труда. До определенного предела такое «освобождение» потребления может быть позитивным, но с ростом масштабов государственной поддержки усиливается риск санкционирования обществом расточительного потребления уже не со стороны финансовой элиты (с чем общество столкнулось в начале XX в.), а со стороны получателей социальной помощи. Примером обострения такой проблемы стали получившие достаточно убедительное статистическое подтверждение и широкую известность случаи снижения экономической активности и формирование социальных групп «хронических» получателей социальных трансфертов в Германии. Весьма широкий резонанс в обществе вызвал и пример деградации Детройта, отличительной особенностью которого была более высокая, чем в среднем в США, социальная защищенность населения. Например, известный украинский ученый А. Гальчинский отмечает, что «мировой экономический кризис 2008–2009 гг. и современная его эскалация – это излишек не рынка, а государства, беспрецедентного роста государственного потребления, как антипода рынка. Так, в 2009 г. государственные траты в странах зоны евро достигли 51 % ВВП, этим все сказано» [13]. Естественно, что и рост финансовых потребностей государства, сопровождавшийся увеличением налогового бремени, становился существенным препятствием высокой деловой активности и глобальной конкурентоспособности национального производства.

Первые признаки обострения противоречия между социальными приоритетами максимального благоприятствования человеческому развитию и краткосрочной финансовой устойчивости в развитых странах проявились в финансовых кризисах 1980-х гг. В частности, инфляционные процессы; огромные государственные расходы, «эффект вытеснения» от которых снижал инвестиционную активность частного сектора; неоправданное расширение потребительского кредитования, «дешевизна денег», которые разрушали необходимую для долгосрочных инвестиций макроэкономическую стабильность, и т. п. Иначе говоря, изменился характер воздействия механизма нормирования доступа к благам на отношение потребления и производства, соответственно изменилось и соотношение продуктивности и потребления: впервые проявился феномен «перепотребления». Так, анализируя причины глобальных кризисов начала XXI в., российский академик А. П. Киреев отмечает: «Это кризис не перепроизводства, а перепотребления. Проистекает кризис не из сферы производства, которое худо-бедно держится, а из лопнувшего потребительского пузыря, раздутого в сфере обращения» [14. С. 287].

При этом предпосылки роста значимости индивидуального потребления, как сферы формирования импульсов, определяющих макроэкономическую динамику, задаются во многом спецификой современного этапа НТП. Так, если в начале XX в. лимитирующим объемом производства ресурсом был физический капитал, то на современном этапе развития эту роль играет личностный фактор: до последней трети XX в. главным препятствием на пути экономического роста было недостаточное (по объемам или эффективности) инвестирование в физический капитал, а теперь – недостаточные (по объемам или эффективности) затраты на воспроизводство и расширение предложения труда.

Такое изменение роли материального и личностного факторов производства стало результатом нового этапа развития технико-технологической базы общественного производства, формирования в экономически развитых странах признаков постиндустриальной экономики. Именно такая смена технологических укладов, достижение огромной насыщенности экономик развитых стран физическим капиталом и рост мощности системы его расширенного воспроизводства создали предпосылки для современной иерархии производственных факторов. Она предполагает, что дефицитным, более редкостным и трудно воспроизводимым стал капитал человеческий, а не физический, а потому возможности и темпы роста ограничиваются имеющимся запасом человеческого, а не физического капитала. Следовательно, центральной проблемой роста становится не реализация всей массы сбережений в достаточно продуктивных капитальных инвестициях (эта проблема решается развитыми странами достаточно надежно), а превращение текущего потребления в источник роста производительной силы личностного ресурса.

Таким образом, по мере интенсификации применения достижений НТП в хозяйственной деятельности, при усложнении требований к качественным характеристикам человеческого ресурса экономики, растет значимость структуры индивидуального потребления для определения темпов экономического роста.

Именно на фоне такого роста значимости индивидуального потребления обостряются проблемы его неспособности создать предпосылки для динамичного повышения качества человеческого ресурса экономики. Природа этих проблем, на наш взгляд, в том, что личное потребление все более оторвано от роста производственного потенциала населения, при этом в значительной мере в силу особенностей структуры потребления, утраты ее подчиненности функциональным приоритетам, увеличения доли потребительских расходов, сопряженных с ростом комфорта, но не производительной силы человеческого ресурса. Так же как собственники крупных капиталов в 30-х гг. XX в. не смогли конвертировать дополнительные доходы в расширение сферы занятости, так массовый потребитель конца XX – начала XXI столетий не справляется с задачей превращения дополнительного комфорта своего существования в прирост своей способности к продуктивной производственной деятельности. Расширение доступного набора благ перестало сопровождаться развитием человека и его профессионально значимых качеств, больший комфорт, доступный индивиду, уже не означает роста продуктивности привлечения такого индивида к общественному производству. Можно назвать несколько причин такого расхождения.

Во-первых, принципиальное изменение самого понятия «платежеспособность». Развитие кредитных механизмов, реализация государственных программ позволяют покрывать текущие расходы за счет будущих поступлений или даже перекладывать тяготы задолженности на бюджет третьих лиц. В результате реализация готовой продукции зависит не столько от платежеспособности населения, сколько от динамичности роста потребностей, от субъективной готовности потребителей расширять масштабы использования товаров массового спроса. При этом процессы глобализации, развитие финансовых механизмов позволяют достаточно длительные периоды времени поддерживать покупательную способность отдельных потребителей, социальных групп и целых наций на уровне, гораздо превосходящем их производственные возможности.

Однако превышение текущего потребления над продуктивностью может быть компенсировано лишь при соответствующем росте будущей производительности. А такой рост требует не только определенных вложений в расширение запасов физического капитала, а и структуры личного потребления, которая обеспечит достаточное повышение экономического потенциала человеческих ресурсов общества. При этом нам представляется существенным упрощением считать, что рост потребности общества в накоплении человеческого капитала и даже наличие платежеспособного спроса на этот ресурс автоматически побудит население следовать необходимой структуре потребления. В терминах теории человеческого капитала наш тезис можно сформулировать следующим образом: нет гарантии, что прирост сегодняшнего потребления, необходимый для стимулирования затребованных рынком объемов инвестиций в человеческий капитал, не превысит возможности производства при таких инвестициях.

Экономическая мотивация попадает в ловушку, когда индивид прикладывает дополнительные усилия, направленные на увеличение продуктивности труда в N раз, только при обещании прироста доходов в $N \times k$, при этом k значительно больше единицы.

Нам представляется важным, что рост роли финансовых механизмов наращивания текущей платежеспособности индивида приводит не только к перераспределению доходов между текущим и будущим моментами времени, нынешним и последующими поколениями экономических агентов, а и существенно меняет мотивацию потребительского поведения. Во многом именно благодаря разрыву связи между сегодняшними усилиями, производительностью труда индивида, с одной стороны, и его потребительскими возможностями – с другой, мотивы следования моде, использования структуры потребления для проявления групповой идентичности начинают явно доминировать над мотивами повышения качества человеческого ресурса экономики. Достижения более высоких потребительских стандартов,

формирующихся преимущественно заинтересованными в росте продаж производителями, становится не предпосылкой, а препятствием формированию квалификации, необходимой для получения доходов, соответствующих растущим потребительским запросам.

Во-вторых, рациональное ограничение потребления не соответствует и непосредственным интересам производителей, так как разрушает стойкие механизмы экономической власти и накопления доходов. С распространением технологически оправданной концентрации производства динамика масштабов экономической деятельности все более зависит от несдержанного тяготения бюрократии к увеличению объема контролируемых ею ресурсов, чем от стремления достичь оптимального масштаба производства (см., например, [15]).

В результате растет влияние производителей на потребительский выбор. А это влияние обусловлено стремлением собственников бизнеса согласовать нормы потребления с темпами прироста производственных мощностей. Последние, что принципиально, задаются внутренними закономерностями расширения производственных структур, а не их реакцией на личные потребности. Вся мощь развитых ныне сфер маркетинга и рекламы подчинена противодействию быстрому (нормальному) насыщению потребностей [16]. Мы считаем, что возрастающие темпы производства товаров массового спроса уже невозможно пояснить функциональными требованиями потребителя. Общественные нормы потребления сегодня – это цивилизационный феномен, институт социального взаимодействия, заданный культурой потребления, которая, что принципиально, формируется преимущественно под влиянием производителей и обслуживает реализацию их интересов. С точки зрения функционального назначения благ нормы их потребления меньше фактических (распространенных в обществе) в разы, что объясняет потери общественного благосостояния и, как следствие, макроэкономическую дестабилизацию: экономическая мотивация, основанная на максимизации потребления, разрушает базовую для любого общества основу стабильности – соответствие меры потребления уровню производительности труда [17].

Обобщая изложенное в статье, мы можем сформулировать принципиальное, по нашему мнению, условие позитивной макроэкономической динамики и важную предпосылку развития. Оно предполагает, что «санкционированное» рынком расширение потребительских возможностей и выбора должно сопровождаться не просто увеличением комфорта потребителя, а ростом качества ресурса, который он поставляет общественному производству.

На этапе становления индустриального капитализма (первая треть XX в.) мера соблюдения этого условия зависела, в наибольшей мере, от способности финансовых механизмов превратить сбережения весьма узкого круга собственников крупных состояний в достаточные для обеспечения полной занятости темпы расширения производственного капитала.

С ростом значения личного ресурса экономики и потребительских возможностей широких слоев населения соблюдение этого общего условия зависит более всего от потребительских приоритетов покупателей, их способности подчинить большие возможности потребления росту качества человеческого ресурса экономики.

Таким образом, в соответствии с требованиями к сфере личного потребления и направленностью функционирования основных общественных институтов нормирования доступа к благам, в процессе развития индустриального капитализма можно выделить следующие этапы.

Первый этап – становление индустриального технологического способа производства. Личное потребление должно обеспечивать физиологическую работоспособность потребителя, его готовность к поддержанию общественно необходимой интенсивности труда. Рост определенного вида факторных доходов практически всегда приводил к увеличению предложения такого фактора и повышению его производительности, что обеспечивало нормальные пропорции воспроизводства и высокие темпы наращивания производственных мощностей. Кризисы этого периода – это кризисы недопотребления, которые возникали в результате чрезмерной способности рыночных институтов ограничивать личное потребление, поэтому значительная часть накопленных производственных мощностей оставалась незадействованной, часть уже произведенного продукта оставалась нереализованной. Такую ситуацию мы склонны рассматривать как своеобразную плату общества за жесткость механизмов, ограничивающих рост потребления сверх необходимого для поддержания затребованной общественной работоспособности.

Второй этап – распространение благ экономического роста на широкие слои населения развитых индустриальных стран (формирование общества массового потребления). Возрастающие объемы потребления трансформировались в возрастающие производственные возможности, сохраняя, таким образом, главное условие стабильности любой хозяйственной системы – соответствие меры потребления и меры результативности производства.

Третий этап – этап перепотребления. Принципиальной его проблемой стал разрыв между ростом потребления и увеличением производственного потенциала населения. Превращение такой ситуации из редкого исключения в весомую тенденцию стало побочным следствием динамичного развития финансовых механизмов перераспределения, глобализации экономики и замещения рыночных структур бюрократическими иерархиями, функционирующими в условиях мягких бюджетных ограничений.

Список литературы

1. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. М.: Политиздат, 1983. Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала.
2. *Робинсон Дж. В.* Экономическая теория несовершенной конкуренции // *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: В 5 т. / Сопред. науч.-ред. совета Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов, под ред. А. Г. Худокормова.* М.: Мысль, 2005. Т. 3: Эпоха социальных переломов.
3. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения // *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: В 5 т. / Сопред. редкол. Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов, под ред. Г. Г. Фетисова.* М.: Мысль, 2004. Т. 1: От зари цивилизации до капитализма. С. 441–460.
4. *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос, 1999. 352 с.
5. *Раух Дж. Е., Джеральд М. М., Філіпенко А.* Основні проблеми економіки розвитку. Київ: Либідь, 2003. 688 с.
6. *Valuing The Earth: Economics, Ecology, Ethics / Eds. H. Daly, K. Townsend.* Cambridge: The MIT Press, 1993. 387 p.
7. *Becker G.* A Theory of the Allocation of Time // *Economic Journal.* 1965. Vol. 75 (299). P. 493–508.
8. *Зомбарт В.* Почему в Соединенных Штатах нет социализма // *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: В 5 т. / Сопред. редкол. Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов, под ред. М. Г. Подкидченко.* М.: Мысль, 2005. Т. 2: Восходящий капитализм.
9. *Капелюшников Р. И.* Поведенческая экономика и новый патернализм. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. Препринт WP3/2013/03. 76 с.
10. *Харрод К.* К теории экономической динамики // *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: В 5 т. / Сопред. редкол. Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов, под ред. Ю. Я. Ольсевича.* М.: Мысль, 2004. Т. 4: Век глобальных трансформаций.
11. *Кругман П.* Кредо либерала. М.: Европа, 2009. 368 с.
12. *Дракер П.* Посткапиталистическое общество // *Новая постиндустриальная волна на западе: Антология.* М.: Академия, 1999. 640 с.
13. *Гальчинський А.* Економічний розвиток: методологія оновленої парадигми // *Економіка України.* 2012. № 5 (606). С. 4–17.
14. *Киреев А. П.* Puzzle Кругмана. М., 2010. Препринт ВШЭ.
15. *Niskanen W. A.* The Peculiar Economics of Bureaucracy // *American Economic Review.* 1968. № 58 (2). P. 293–305.
16. *Цирель С. В.* Смена типов потребления как фактор модификации. URL: http://www.isras.ru/publications_bank/1227192609.pdf
17. *Коротаев А. В.* Объективные социологические законы и субъективный фактор // *Время мира: Альманах.* Новосибирск, 2000. Вып. 1. С. 204–233.

A. V. Kudinova

*Kyev National Economic University
54/1, Prospect Pobedy, Kyev, 03680, Ukraine*

kudinovaalevtina@mail.ru

**STRUCTURE OF CONSUMPTION AND ECONOMIC DEVELOPMENT:
THE NATURE OF THE RELATIONSHIP**

This paper examines the role of the personal consumption structure in the processes of economic growth and cyclic recurrence. The important to the neoclassical synthesis thesis that consumer actions leading to maximization of subjective satisfaction, create preconditions for economic growth regardless of the institutional structure in society has been criticized. A comparative analysis of the social conditions that affect the role of individual consumption in the process of accumulation of human capital in the three stages of the industrial market economies was done. Including such as the nature of the distribution of income and sources of individual consumer budgets. Hypothesised that the development of consumer credit and an increase of government social programs weaken the positive impact of the expansion of consumer opportunities to improve the quality of human resources.

It is proposed to distinguish the stages of development of the economic system, according to patterns of relations between production and consumption. Identified specific features of a modern system of consumption relations, causing an imbalance of consumer standards and production capabilities of society.

Keywords: consumption, rationing access to goods, the impact on consumer behavior.

References

1. Marx K. Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii [Capital. Critique of Political Economy]. Moscow, Politizdat, 1983, vol. 1, book 1. 167 p. (In Russ.)
2. Robinson J. V. Ekonomicheskaya teoriya nesovershennoy konkurentssii [Economic Theory of imperfect competition]. *Mirovaya ekonomicheskaya myisl. Skvoz prizmu vekov [World Economic Thought. Through the Prism of Centuries]*. Moscow, Myisl Publ., 2005, vol. 3, p. 632–649. (In Russ.)
3. Rikardo D. Nachala politicheskoy ekonomii i nalogovogo oblozheniya [Economic theory of imperfect competition]. *Mirovaya ekonomicheskaya myisl. Skvoz prizmu vekov [World economic thought. Through the prism of centuries]*. Moscow, Myisl, 2004, vol. 1, p. 441–460. (In Russ.)
4. Keynes J. M. Obschaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg [General Theory of Employment, Interest and Money]. Moscow, Gelios, 1999. 352 p. (In Russ.)
5. Rauh J. E., Dzherald M. M., Filipenko A. Osnovni problemi ekonomiki rozvitku [The economics' of development main problems]. Kiiiv: Libid, 2003. 688 p. (In Ukr.)
6. Daly H., Townsend K. (eds.). *Valuing The Earth: Economics, Ecology, Ethics*. Cambridge, The MIT Press, 1993. 387 p.
7. Becker G. A Theory of the Allocation of Time. *Economic Journal*, 1965, vol. 75 (299), p. 493–508.
8. Zombart V. Pochemu v Soedinennyih shtatah net sotsializma [Why the United States is no socialism]. *Mirovaya ekonomicheskaya myisl. Skvoz prizmu vekov [World economic thought. Through the prism of centuries]*. Moscow, Myisl, 2005, vol. 2. (In Russ.)
9. Kapelyushnikov R. I. Povedencheskaya ekonomika i novyy paternalizm [Behavioral economics and the new paternalism]. Preprint VShE [Preprint of HSE], WP3/2013/03. Moscow, 2013. 76 p. (In Russ.)
10. Harrod K. K teorii ekonomicheskoy dinamiki [On the theory of economic dynamics]. *Mirovaya ekonomicheskaya myisl. Skvoz prizmu vekov [World economic thought. Through the prism of centuries]*. Moscow, Myisl Publ., 2004, vol. 4. (In Russ.)

11. Krugman P. Kredo liberala [The Conscience of a Liberal]. Moscow, Evropa Publ., 2009. 368 p. (In Russ.)
12. Draker P. Postkapitalisticheskoe obschestvo [The Post-Capitalist Society]. *Novaya postindustrialnaya volna na zapade: Antologiya* [The New Post-Industrial Wave in the West: The Anthology]. Moscow, Akademiya Publ., 1999. 640 p. (In Russ.)
13. Galchinskiy A. Ekonomichniy rozvitok: metodologiya onovlenoyi paradigmi [Economic Development: Methodology Updated Paradigm]. *Ekonomika Ukraini* [Economy of Ukraine]. 2012, № 5 (606), p. 4–17. (In Ukr.)
14. Kireev A. P. Puzzle Krugmana [Krugman's Puzzle]. Moscow, 2010. Preprint VShE [Preprint of HSE]. (In Russ.)
15. Niskanen W. A. The Peculiar Economics of Bureaucracy. *American Economic Review*, 1968, № 58 (2), p. 293–305.
16. Tsirel S. V. Smena tipov potrebleniya kak faktor modifikatsii [Changing the Type of Consumption as a Factor Modification]. URL: http://www.isras.ru/publications_bank/1227192609.pdf (In Russ.)
17. Korotaev A. V. Ob'ektivnyie sotsiologicheskie zakonyi i sub'ektivnyiy faktor [Sociological Laws Objective and Subjective Factor]. *Vremya mira: Almanah* [Almanac «World Time»]. Novosibirsk, 2000, issue 1, p. 204–233. (In Russ.)